

Глава 18

Владимир (Всеволод Путята), 1915–1917

1 февраля 1915 года в Пензу прибыл архиепископ Владимир, которому суждено было вписать последнюю страницу в дореволюционную историю Пензенской епархии. Последнюю и, увы, самую позорную ее часть, хотя начало деятельности нового архиерея на Пензенской кафедре и не предвещало каких-либо катаклизмов, способных внести смуту в обычный ход епархиальной жизни. Напротив, появление его в Пензе на волне грядущих перемен, ветер которых все явственнее ощущался в провинции, вселял надежду на какие-то положительные изменения. Поводом к тому служила неумная энергия архиепископа Владимира, а также его непредсказуемость, ломавшая все стереотипы поведения, выработанные за долгие годы духовенством по отношению к своим архипастырям.

Официальная характеристика его деятельности с самых первых дней его управления Пензенской епархией выглядит следующим образом: “Чтобы войти в живое общение и тесное единение с пастырями и пасомыми епархии, видеть непосредственно религиозно-нравственную жизнь их и преподать на местах соответствующие назидания и указания к благоустройению церковноприходской жизни, Владыка без замедления в наступившую Св. Четыредесятницу посетил все церкви г. Пензы и близлежащих сел – Городка, Новых Черкас, Терновки и Веселовки, причем делал это преимущественно во время совершения богослужения в приходских храмах и без всякого предупреждения, чтобы лично убедиться в исправности духовенства и того, с каким усердием православные притекают в храмы Божии на молитву в нарочитые дни покаяния. К утешению своему, Владыка убедился, что православные жители г. Пензы и окрестных селений весьма усердны к посещению храмов Божиих и наполняют их во множестве. При таких посещениях архипастырь обыкновенно сам принимал участие в совершении богослужения, читал часы, паремии, повече-

рие, канон и т. п., что, по отзывам православных, производило трогательное впечатление на молящихся, как небывалое явление в Пензенской епархии”¹³⁷.

Совершенно противоположные чувства испытывало духовенство в момент внезапного появления у них на богослужении архиерея, который к тому же до поры до времени нередко со стороны скрытно наблюдал за ходом службы, имея затем возможность сравнить их обычное и, так сказать, показное богослужение. До того мало кто из Преосвященных практиковал подобные неожиданные визиты. Обычно извещения о предстоящих архиерейских службах делались заблаговременно, и духовенство могло к ним как следует подготовиться, отчего они проходили с должной торжественностью, оказывая на пасомых самое благоприятное впечатление и поднимая их религиозное состояние. Теперь же священнослужителям требовалось постоянно быть начеку, в повышенной “боевой” готовности. Это требовало от них большого нервного напряжения, выбивало из колеи и заставляло совершать дополнительные ошибки, которыми не упускал случая воспользоваться архиерей. В общем, новый Владыка нагнал на всех такого страху, что лишь единицы осмеливались ему возражать. Причем в его действиях явно проглядывалось стремление создать себе в среде прихожан определенный имидж, завоевать популярность путем принижения даже и не отдельных священнослужителей, а всего пензенского духовенства в целом, что, естественно, вело к подрыву авторитета самой Церкви, которую он здесь представлял. А это уже невольно наводило на определенные размышления – не чужой ли он для Церкви человек, пусть он даже и облачен в архиерейскую мантию. Дальнейшие события как нельзя лучше подтвердили это предположение.

Но вначале город стали наполнять слухи. На первый взгляд они были настолько дикими, что им просто не хотелось верить. Но вскоре поведение архиерея в Пензе дало повод отнестись к ним повнимательней. Стали замечать, что вокруг архиерея постоянно крутятся женщины, в том числе и приехавшие за ним из других городов – из Витебска, Новочеркасска, где проходило его служение до его приезда в Пензу. И опять же в этом не было ничего удивительного, если учесть облик Его Высокопреосвященства: “Владимир был красив, и даже как-то особенно, экзотически красив. Высокого роста, прекрасно сложенный, с великолепно сохранившейся фигурой, этот почти пятидесятилетний человек (год рождения его 1869-й, следовательно в момент приезда в Пензу ему было 46 или 47 лет) сохранил прекрасную воинскую выправку, отчего казался моложе своих лет. Его старила седина, но она же и украшала, так как черная с

Иеромонах Владимир (Путята),
будущий архиепископ Пензенский и Саранский

просесть “библейская” борода очень ему шла, а орлиный нос и горящие, живые, черные глаза делали его лицо и библейским, и иконописным, и, вместе с тем, молодым и красивым. Он точно только что сошел с иконы васнецовского князя Владимира или патриарха Гермогена. Если про некоторых женщин говорят, что они “умеют одеваться”, то про Владимира можно было сказать, что он “умел облачаться”. У него было несколько комплектов прекрасных облачений (золотое, красное, серебряное и голубое), сшитых по фигуре и из хорошей парчи. Вместо традиционной митры у него к каждому комплекту облачения были “святительские шапочки”, такие, какие мы привыкли видеть на иконах святых митрополитов московских. Эти шапочки с меховой опушкой были одного цвета с облачениями, и в них он действительно походил на какого-то “святителя”. Само собой понятно, что в соборе и в тех церквях, где он служил, женщины стояли и в упор глядели на красивого архиерея. Видимо, этот гвардейский офицер, облаченный в золотой саккос, был, как говорят, в “женском вкусе”. Отсюда и проистекала вся обстановка его жизненного пути”¹³⁸.

Упоминание здесь слова “офицер” обязывает нас несколько подробнее остановиться на биографии архиепископа Владимира, которая многое может объяснить в его поведении. Незаконнорожденный сын еврейки и смоленского дворянина по фамилии Путята, усыновленный последним и ставший дворянином, Всеволод Владимирович Путята окончил Александровскую военно-юридическую академию и некоторое время обретался при Царском Дворе, пока им не увлеклась великая княжна Елена Владимировна, двоюродная сестра Николая II. Разразившийся скандал, грозивший ему большими неприятностями, заставил молодого офицера искать убежища от царского гнева. Путята вынужден был удалиться от великосветского окружения и избрал для себя монашескую стезю, поступив в Казанскую духовную академию. Однако, отнюдь не для того, чтобы телесными и духовными подвигами стяжать себе Духа Святого. А чтобы воспользоваться предоставленной ему возможностью (с помощью оставшихся при Дворе связей) достичь святительских высот, сохранив при себе и свои мирские привычки, одной из которых была далеко не платоническая его любовь к женщинам.

Отказ от заложенного в любом живом существе физического влечения к противоположному полу является, пожалуй, самым большим и трудноисполнимым подвигом. И падения здесь для кого-то из взявших на себя обет безбрачия неизбежны. В стенах монастыря, удалившись от мирских соблазнов, проще сохранить себя в чистоте, но продолжая жить в

миру, часто общаясь с дамами в официальной и неофициальной обстановке, гораздо труднее. Тем более, когда с молодых лет привык давать волю своим чувствам и решил не поступаться этой привычкой и в дальнейшем, несмотря на свое новое высокое предназначение – служение Церкви.

Поэтому “женская тема” возникала у Путяты на каждой ступеньке той лестницы, по которой он, несмотря на все грехопадения, настойчиво продолжал взбираться. В 1902 году его делают настоятелем русской посольской церкви в Риме и возводят в сан архимандрита. Всесторонне образованный, с прекрасным знанием нескольких европейских и древних языков, галантный кавалер для дам и хороший собеседник в мужском обществе, он быстро завоевал симпатии в высших сферах итальянского общества. Но при этом так увлекся, что начисто позабыл и свой сан, и кого он этим саном в чужой стране представляет. За “соблазнительное поведение” его по настоянию папы римского отозвали в Петербург, где вместо наказания в 1907 году он был хиротонисан в специально для него учрежденного епископа Кронштадтского, вначале четвертого викария С.-Петербургской епархии, а затем ставшего по рангу вторым. В ведение епископа Владимира поступили почти все православные заграничные церкви в Европе, что опять же дало ему возможность подолгу бывать за границей, в том числе и в Париже, где он развернулся вовсю, и снова был отозван в Россию за недостойные его сана поступки. На этот раз, по видимому, посчитали, что он уж слишком скомпрометировал себя, и в 1911 году отправили в далекий Омск. Но суровый сибирский климат не охладил его горячей крови, и через два года пришлось его снова переместить, на этот раз назначив епископом Полоцким и Витебским. Там он продержался год и четыре месяца и в 1914 году был определен на новую кафедру, правда, с повышением – стал архиепископом Донским и Новочеркасским. Здесь он пробыл и того меньше – ровно полгода, после чего ему и была уготована Пенза, которую он вскоре же после своего приезда сравнил с “дырой”, мечтая поскорее отсюда убраться. Он и не предполагал, что Пензе еще предстоит сыграть трагическую роль в его судьбе, также как, впрочем, и самому Путяте в истории Пензенской Церкви.

Причина столь частых перемещений, как понимает читатель, была одна и та же – порочащие его высокий священный сан связи с женщинами. Продолжились они и в Пензе, все более и более подталкивая этого “авантюриста в архиерейском сане”, как назвал его Н. П. Иванов, автор воспоминаний о путятинской смуте, к пропасти, в которой он должен был неминуемо оказаться, встав на путь святотатства и клятвopепpеступле-

ния. Однако его “смута” была еще впереди, а пока в Пензе за архиепископом Владимиром стали замечать слишком уж мирские привычки: любовь к комфорту, светскому обществу и... флирту. Насколько разительно они отличались от тех слов, которые он произносил в монастырских обителях, – “что монашествующим в особенности следует как можно меньше заботиться о земном своем благополучии”.

Как известно, когда слова расходятся с делом, под сомнения берутся сами сентенции. Это прекрасно продемонстрировали в 1900-х годах революционные выступления семинаристов, многие из которых разочаровались в вечных истинах и в Церкви Христовой именно потому, что ежедневно видели расхождение между высокими словами, произносимыми с амвонов, и бытовыми неурядицами, наблюдаемыми в повседневной жизни духовенства. Но их отторжение от Церкви происходило постепенно, по мере взросления и формирования собственного мировоззрения. Зато ложь, звучавшая из уст иерарха, грозила оттолкнуть от Церкви паству сразу и навсегда. Тем более, что ложью до поры до времени прикрывалась вся недостойная жизнь распутного по натуре человека, вознесенного на вершину общественного положения, вдруг открывшаяся во всем своем неприглядном виде.

Обличением лживой и недостойной природы архиепископа Владимира стал скандал о соращении им в Пензе одной несовершеннолетней особы. Оскорбленная мать подала на искусителя жалобу в Св. Синод, который по рассмотрении ее в марте 1917 года временно отстранил архиепископа Владимира от управления Пензенской епархией. Совещание епископов, учрежденное на Всероссийском Поместном Церковном Соборе, восстановившем в России Патриаршество, хоть и не нашло доказательств вины пензенского архиерея, но посчитало необходимым удалить его на покой. В ноябре того же года Синод определил пребывать ему во Флорищевой пустыни Владимирской епархии “на покаянии”. Однако Путята и не думал подчиняться такому решению, объявив о создании им в Пензе своей – “свободной”, “народной” церкви. Слово “свобода” тогда было у всех на устах, и лишенный власти архиерей на этом и вознамерился сыграть, не желая ни с кем делиться своей властью. Официально же временно управляющим Пензенской епархией стал викарный епископ Григорий, которому тогда шел уже 75-й год.

Положение в Пензе, как и во всей стране, было смутным и неопределенным. Ветер грядущих перемен, который еще совсем недавно пьянил и будоражил умы, все более превращался в предвещающие бурю порывы, бросающие в распахнутые настесь глаза сор и пыль, отрезвляя тем са-

мым многие до того разгоряченные головы. Первые восторги по поводу крушения империи и отречения царя, звучавшие даже из уст церковных иерархов, остались далеко позади. Листая страницы “Пензенских епархиальных ведомостей” за 1917-й, последний год их издания, можно видеть, как наивные и несбыточные надежды и прогнозы постепенно уступают место озабоченности происходящими вокруг событиями.

Вот, к примеру, фрагмент обращения архиепископа Пензенского и Саранского Владимира к “пастырям и чадам Церкви Пензенской”, опубликованного в апреле: “Мы живем с вами, отцы и братие, в счастливую пору, когда над дорогой Родиной нашей взошла заря возрождения и обновления. Верим, недолго ждать нам светлых дней, когда солнце жизни русской взойдет во всей красе своей. Но на нас возложено вместе с тем тяжелое и ответственное перед историей бремя переустройства государственной и общественной жизни на новых началах. Да поможет нам Господь в мирной и дружной работе строительства нашей жизни! Мы живем радостными надеждами на то, что при общем коренном переустройстве государственной жизни на началах свободы, равенства и братства, которое придавало особенную нравственную мощь христианской Церкви первых веков, и наша Российская Православная Церковь освободится от гнета, не будет служить целям и задачам, ей не свойственным, и получит возможность свободного развития на твердом незыблемом основании Евангельской истины”...¹³⁹ Уж кому, как не ему, написавшему когда-то кандидатское сочинение в духовной академии на тему “Взаимоотношения государства и Церкви”, было говорить теперь о путях, в которых пребывала Церковь при монархическом строе.

Может быть, духовенство видело и путь, по которому страна должна была двигаться дальше? Ну а как же: “Дружной работы на благо Родины всем хватит: и богатырю Илье Муромцу с пудовой палицей в рукавице – представителю крестьянства, и Добрыне Никитичу – представителю дворянства, и Алеше Поповичу – представителю духовенства. Только в таком единении мы и можем вывести нашу святую Родину из того грязного болота, в которое ее завели злые вороги, предатели, пасынки, да приемыши”...¹⁴⁰ В этой формуле нашла себя идея Учредительного собрания, которая витала в воздухе после Февральской революции. Из общего ансамбля спасителей России выпал только рабочий класс. Его просто не заметили, а он невидимкой и пришел к власти.

12 марта 1917 года в архиерейском доме в отсутствие архипастыря, вызванного в Св. Синод, состоялось чрезвычайное собрание духовенства, продолжившее свою работу 16 марта в помещении свечного завода.

В целях объединения пастырей, других клириков епархии и преподавателей духовно-учебных заведений решено было учредить профессиональный союз духовных деятелей г. Пензы “с целью объединения членов его на почве интересов профессиональных, учебно-воспитательных, правовых и взаимопомощи”¹⁴¹.

Приветствуя падение самодержавия и призывая к подчинению Временному правительству, собрание тем самым от лица всего духовенства епархии отсеклось от земного главы Русской Православной Церкви – российского императора и присягнуло, по сути, незаконному формированию – Временному правительству. Катастрофа была встречена всеобщим ликованием: “Едва ли можно найти более светлой страницы в истории жизни пензенского духовенства, как всеобщее его оживление, неопишуемая радость, необыкновенно оживленная и энергичная деятельность по поводу великих мартовских событий русской политической жизни. Нет надобности подробно говорить об отношении пензенского духовенства к совершившемуся государственному перевороту: как самая живая ячейка в организме отныне свободного православного народа, оно не могло думать и чувствовать иначе, чем думала и чувствовала его паства. Всегда разделяя скорби и радости своего словесного стада, духовенство тем более приветствовало падение старого режима, что этот режим загрязнил белоснежную одежду Церкви, крепко сковал ее силы, разрознил их, придавил всякое живое и свободное самоопределение церковной жизни, лежал тяжелыми путами на ногах православного пастыря в его, по идее свободном, делании на ниве Христовой”¹⁴².

Не думало духовенство, мечтая отстирать когда-то “белоснежную одежду”, что скоро она обогрится его собственной кровью. Радуюсь замаячившей самостоятельностью, оно напоминало ребенка, выпущенного своим строгим, часто бывавшим неправым отцом в люди и не предполагавшего, что за углом дома его уже поджидает чужой дядя с увесистой дубиной в руках. И как не прискорбно это отмечать, а последующие репрессии духовенства были не так уж и незаслуженными. Во всем имеется причинно-следственная связь, и любой проступок уже здесь, на земле, не остается безнаказанным. Несоразмерность же наказания содеянному не должны смущать своей якобы несправедливостью: “от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут” (Лк., 12, 48), “кого любит Господь, того наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну своему” (Пр., 3, 12). И кто из них кровью умоется, кровью же и убелится. Поскольку сказано про них: “это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои

кровию Агнца” и “они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их” (Отк. 7, 14, 16–17).

При всех разговорах о братстве и солидарности младшие члены клира в апреле 1917 года образовали свой профессиональный союз – Братство диаконов и псаломщиков, для отстаивания сугубо личных интересов, которые в основном сводились к тому, что “отношения священников к диаконам и псаломщикам должны быть построены на началах любви и уважения, а отнюдь не на рабском подчинении, как унижающем человеческую личность”, “поставить на вид о. о. настоятелям недопустимость начальнических выступлений, унижающих человеческое достоинство и личность вообще, и установить вежливое и корректное отношение к сослуживцам, так как настоятель есть только старший брат, а не начальник”¹⁴³. Вот так, ни много ни мало, а взяли и отменили над собой всякую власть. А если младший брат, как это водится, не захочет слушаться старшего, какие меры воздействия к себе он считает допустимыми? Об этом ничего не сказано. Похоже на сегодняшнюю ситуацию, когда говорят только о своих правах, забывая распространить на себя и обязанности.

Но вот, наконец-то, среди радужных надежд на обновление епархиальной жизни появились и первые разочарования. 27 мая 1917 года состоялся съезд представителей мужских и женских монастырей, собравший 60 человек, на котором, как первые тревожные звонки, прозвучали сообщения об участвовавших в печати, в выступлениях мирян и даже духовенства нападках на монастыри, “как скопища праздных людей, под прикрытием религии ведущих беспечную жизнь”, и требований закрыть святые обители. Причиной таких разговоров стали посягательства на принадлежавшие им земли, лес, рыбные ловли, мельницы и т. п., являющиеся источниками материального существования монастырей. К этому времени 23 обители Пензенской епархии, в которых проживало 4600 человек, не считая находящихся на их иждивении сирот и престарелых, владели 12660 десятинами земельных угодий, то есть на одного человека приходилось менее трех десятин, в два раза меньше, чем имел в своем распоряжении псаломщик. Съезд принял ряд постановлений и выбрал от монастырей делегатом на Всероссийский съезд духовенства и мирян, назначенный на 1 июня 1917 года, архимандрита Нижнеломовского Казанского мужского монастыря Леонтия.¹⁴⁴

20 июня Временное правительство без всякого согласования со Св. Синодом национализировало все церковные школы, передав их в ведение

Министерства народного просвещения. Пример верховной власти подхватил губернский комиссар Федорович, санкционировавший отнятие здания Пензенской духовной семинарии под лазарет. Попытка приспособить его под эти нужды была сделана земским союзом еще в 1914 году, с началом военных действий. Но тогда духовное ведомство откупилось зданием семинарского общежития, переведя проживающих там воспитанников в учебный корпус. В 1915 году, когда город наводнился новобранцами, в целях сохранения за собой семинарского здания пришлось уступить под казармы здание Пензенского духовного училища, разместив его при Тихоновском духовном училище. И вот, летом 1917 года, несмотря на протесты со стороны духовного ведомства и наличие в городе других пустующих помещений, здание семинарии все же отобрали, устроив там лазарет.¹⁴⁵

8 августа в актовом зале духовной семинарии прошло епархиальное собрание духовенства и мирян, на котором присутствовало 223 лица. Председательствовал на нем временно управляющий епархией епископ Краснослободский Григорий. На повестке дня стоял один вопрос – выборы депутатов на Поместный Собор Православной Российской Церкви, открытие которого было назначено на 15 августа. В ходе подсчета голосов и отвода некоторыми своих кандидатур делегатами были избраны священник Е. Ф. Куликов, диакон М. А. Нечаев и от мирян – П. Я. Руднев, И. И. Беликов и Ф. П. Чернышев, а заместителями к ним на случай непредвиденных обстоятельств – священник В. Н. Чернозерский, псаломщик П. И. Успенский, а от мирян – П. А. Муромский, А. М. Рзянкин и П. П. Мещеряков. В работе собора принимал участие и Преосвященный Григорий, на время отъезда которого в управление епархией вступало соединенное присутствие епархиального совета и консистории под председательством вначале протоиерея Никольской церкви г. Пензы Леонида Кульметева, а затем кафедрального протоиерея Владимира Лентовского.¹⁴⁶

Главным итогом Поместного Собора стало восстановление Патриаршества. Избрание митрополита Московского Тихона (Белавина) Патриархом Московским и всея России состоялось 6 (19) ноября 1917 года путем жеребьевки из трех определенных результатами выборов кандидатур. Но это произошло уже после Октябрьского переворота, открывшего совершенно новую главу во взаимоотношениях Церкви и государства: закончилась драма, начиналась трагедия.

